

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 2002 г., ЭО, № 1

З.П. Соколова

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ И МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК В МИРОВОЗЗРЕНИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СИБИРИ¹

Культ медведя и медвежий праздник – одно из тех феноменальных явлений человеческой культуры, которое уникально тем, что, зародившееся еще в палеолите (вспомним склады медвежьих черепов и костей в пещерах Альп, северного Причерноморья и Кавказа, датируемых не менее чем 40 тыс. лет), оно бытует еще и сейчас у народов Сибири, сохраняя ряд архаических черт вплоть до хранения черепов и костей. «Удивительную архаичность медвежьего праздника» отмечал Б.А. Рыбаков². Особое отношение к медведю вплоть до его почитания было свойственно практически всем народам Северной Евразии и Северной Америки на лесной или таежной территории, где был распространен медведь.

Для того чтобы понять сущность и происхождение этого уникального и древнего явления, необходимо, во-первых, взглянуть на него с точки зрения широкого круга источников по этнографии разных народов, во-вторых, разделить понятия «культ медведя» и «медвежий праздник», которые обычно в литературе подменяют друг друга.

Культ медведя – широкое понятие, включающее в себя представления о медведе, обряды, связанные и с охотой на него, и с поеданием его мяса, и с хранением его костей; тогда как медвежий праздник – более узкое понятие и охватывает лишь те обряды, которые относятся к поеданию медвежьего мяса, а именно извинительные и умилоостивительные. В число последних входит и развлечение медведя – песни, танцы, игры, пантомимы, состязания и пр. Эти обряды развиты далеко не у всех народов и не все народы имеют такой медвежий праздник, какой известен, например, обским уграм, о котором А. Альквист писал: «Неподражаемая область народной поэзии, которая едва ли встречается у народов современности»³.

Медвежий праздник – условное название, в переводе с языков народов Сибири дословно это «пляски», или «игра» (манс. *яних йикв* – главные пляски, *пупих йикв* – пляски духов; хант. *вой як* – звериный танец, *лэнгх як* – танцы духов; нивх. *чхыф леранд* – медвежья игра). Т. Молданов предлагает термин «игрища» (обрядовая игра). Ближе к сути термин «медвежьи пляски»⁴.

О культе медведя и медвежьем празднике существует обширная литература. Классической работой на эту тему можно считать статью Б.А. Васильева 1948 г.⁵. Под медвежьем праздником он понимает комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, со свежеванием его туши и поеданием его мяса, похоронами черепа и костей⁶. Б.А. Васильев отметил связь этого праздника с охотничьим хозяйством и потому его «глубокую древность», а также изменения, происшедшие в этом явлении со временем, в том числе у амуро-сахалинских народов и обских угров⁷. Заслуга этого исследователя и в том, что, основываясь на собственных полевых материалах 1927 г. по орочам, он обобщил имевшиеся тогда публикации по данному вопросу и выделил общие и особенные черты в медвежьем празднике. Он подчеркнул отсутствие связи медвежьих праздников и обрядов шаманства, отметил, что медведь воспринимается одновременно и зверем, и существом высшего порядка, указал на близость медвежьих

обрядов к «праздникам голов» у народов северо-востока Азии⁸. Из общего ряда медвежьих церемоний Б.А. Васильев выделил древнейший евразийско-американский пласт и его элементы, а также более поздний пласт – так называемый айнский (или амуро-сахалинский) – с его особенностями: содержание медведя в клетке, обряд вождения его по домам селения, выкармливание медвежат грудью, подпиливание и чернение зубов медведя, жертвоприношение медведя и убиение медведя на специальном стрельбище, многодневные состязания и игры, особый ритуал по отношению к голове медведя (обращение к ней с речью, кормление и украшение ее, близкие к обрядам народов Юго-Восточной Азии – охотников за головами), многочисленные детали похоронного обряда (жертвоприношение собак, снабжение медведя так называемым «дорожным поясом» с продуктами и другими предметами, которыми обычно снаряжают умершего человека, приуроченность медвежьего праздника к поминкам), использование ритуальной посуды и стружек *инао*. Отметив сходство медвежьего праздника с погребальными обрядами, Б.А. Васильев подчеркнул и его промыслово-магическое значение⁹.

А.В. Смоляк придерживается иного взгляда на происхождение ряда элементов медвежьего культа у народов Амура и Сахалина. Она считает, что они не являются айнскими по происхождению, а напротив, свойственны только народам Амура и Сахалина (вождение медведя по домам, собачьи бега, культ стружек *инао*, использование музыкального бревна). Перечислив лишь три элемента сходства этих церемоний у айнов и амуро-сахалинских народов (содержание медведя в клетке, праздник при его убиении, похороны костей), она нашла не менее 12 их отличий от айнских, в том числе отсутствие жарения мяса медведя и подпиливания и чернения его зубов. А.В. Смоляк подчеркнула самобытность культуры народов Амура и Сахалина, ее аборигенный характер, а также влияние на нее не столько айнской культуры, сколько культуры южных народов (Китай, Маньчжурия). В.И. Цинциус, побывавшая у негидальцев р.Амгунь в 1926–1927 гг., выделила в их медвежьих церемониях четыре цикла: убиение медведя, его умилостивление, причастная трапеза и воскрешение, связав культ медведя у негидальцев с тотемизмом¹⁰.

Е.А. Крейнович в своих двух статьях описал медвежий праздник, изученный им в 1926–1928 и 1931 гг. у нивхов низовьев Амура и Сахалина как по случаю удачной охоты на медведя, так и после убиения медведя, выращенного в клетке. Он отметил, что нивхи, убив животное, надевают ему на шею ремennую петлю и, привязывая его к дереву, как собаку¹¹, издают победный клич (три раза по медведю, четыре – по медведице). Разрезая шкуру на брюхе, они оставляют неразрезанными три или четыре полоски («пуговицы»), которые потом разрывают¹²; жарят табуированные части туши медведя, запретные для женщин (голову, язык, глаза). Е.А. Крейнович сопоставил медвежьи обряды с обычаями неандертальцев хранить в пещерах (Драхенлох и Петерсхэле в Альпах) медвежьи черепа¹³. Отметив, что у каждого рода нивхов есть свой род горных медведей, что они охотятся на медведя вместе с зятем и тестем, он связал культ медведя у них с культом близнецов¹⁴. Подчеркнем также две интересные детали в описании Е.А. Крейновича: почти все мясо и жир убитого медведя отдается представителям рода зятьев – *нархам* (нельзя есть «своего» медведя, только убитого чужеродцами); после кормления медвежьим мясом нархов обливают водой, а когда они выходят из дома, кидают в них снегом¹⁵.

Ч.М. Таксами отделил спорадический охотничий медвежий праздник нивхов по случаю охоты на медведя от периодического (с убиением выращенного в неволе медведя), в прошлом, по его мнению, промыслового, связанного с кормлением духов-хозяев земли, леса и гор, когда медведь выступал посредником между людьми и духами-хозяевами тайги¹⁶. Эти периодические праздники – календарные, они были приурочены к Новому году и проводились в январе-феврале. Ч.М. Таксами выделил в них шесть этапов: 1) изготовление стружек, 2) убиение медведя, 3) водворение головы медведя на помост, 4) кормление гостей медвежьим мясом, 5) убиение собак, 6) разъезд гостей. Он отметил также наличие трех трапез, посвященных медведю,

и подчеркнул родовой характер праздника: гости – члены рода, хозяин водит медведя вокруг родового дома вместе с сородичами, медведя убивают представители рода зятьев, кости хранят в родовом амбаре. Интересны его данные о том, что все дары медведю уходят к лесным сородичам медведя, а медвежью шкуру вносят в полуземлянку не через дверь, а через дымовое отверстие¹⁷.

Кетский культ медведя и медвежий праздник со временем сильно изменились и не сохранили многих древних черт, что отметили и Е.А. Алексеенко, и Е.А. Крейн-ович¹⁸. Но в них есть немало общего с такими же обрядами у других народов Сибири: подставные названия медведя, иносказательная речь, касающаяся охоты на медведя и обрядов с ним, представление о медведе как о лесном человеке (*кайгусь*) и госте праздника, воплощение в нем души умершего родственника (кеты верили, что у медведя есть душа), гадание на его лапе, табуирование частей тела (голова, глаза, сердце), обряды превращения человека в медведя при помощи маски из его носа и части губ (*норка*), которую охотники надевают на голову. На празднике в честь медведя кеты использовали лишь его изображение (реже – череп, голову либо норку). Любопытно, что кеты, не имевшие детей, выращивали медвежонка до трех лет, а потом отпускали его в лес; при этом его называли сыном или дочкой, что Е.А. Алексеенко считает признаком тотемизма¹⁹. Она отметила три этапа праздника: 1) варка мяса (непременно в одном котле, а не в разных), поедание его (в первый день праздника), изготовление изображения медведя, 2) угощение медведя, сцены имитации охоты, пантомима, магические действия с целью обеспечить удачную охоту и благополучие людей, 3) проводы души медведя, захоронение его костей²⁰. Исследовательница подчеркнула, что первый и последний этапы представлены у всех охотничьих народов, при этом последний восходит к обряду «магического оживления животного»²¹. У кетов этот праздник был в прошлом, по ее мнению, тотемическим (родовым), а со временем стал межродовым.

Культ медведя у эвенков описан А.Ф. Анисимовым и Г.М. Василевич²². Они также считали его промысловым, имеющим и тотемические корни (от палеосибирских предков), очень древним, сформировавшимся при участии палеоазиатских народов. Очень интересны данные Г.М. Василевич о том, что нашедший берлогу охотник приглашал на охоту свойственника (*нимак, нимэк*), чаще всего брата жены, отдавая ему свою рогатину или ружье; тот и убивал медведя.

Если говорить о народах Сибири, то в наибольшей степени изучен культ медведя и медвежий праздник у обских угров – хантов и манси. И это не случайно: в нем особенно ярко представлены именно праздничные, игровые моменты, на его примере можно увидеть, как из древней охотничьей мистерии родился народный театр²³. Обско-угорский медвежий праздник изучали как русские ученые и путешественники (Н.Л. Гондатти, Н.Н. Харузин, А.М. Золотарев, В. Новицкий, В.Н. Чернецов, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Н.И. Новикова, И.Н. Гемуев, Т. Молданов и др.)²⁴, так и зарубежные: финны – А. Альквист, А. Каннисто, К.Ф. Карьялайнен, венгры – Б. Мункачи, Й. Папай, Б. Кальман, Е. Шмидт и др.²⁵

Отметим статьи, посвященные описанию медвежьего праздника, авторы которых сами присутствовали на нем у хантов или манси. Их не так много: это работы А. Альквиста, Н.Л. Гондатти, А. Каннисто, В. Новицкого, В.Н. Чернецова, В.М. Кулемзина, Е. Шмидт, Т. Молданова. Дело в том, что попасть на подобный праздник не так легко: надо оказаться в поселке во время удачной охоты на медведя, а такие совпадения во времени и пространстве редки.

Мне тоже посчастливилось в 1966 г. побывать на таком празднике у северных манси – в д. Щекурья Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа (р. Ляпин, приток Северной Сосьвы, левого притока Оби). Следует сказать, что он произвел на меня неизгладимое впечатление и вызвал настоящий восторг²⁶.

Из числа упомянутых авторов выделю тех, кто не ограничился простым описанием культа медведя и медвежьего праздника, а проводил сравнительные и теоретические исследования данной проблемы.

Работа Н.Л. Гондатти отличается не только ярким и детальным описанием медвежьих церемоний очевидцем, но и систематизацией элементов этого удивительного явления. Он отметил также, что «прежние обряды и верования забываются настолько, что в настоящее время почти невозможно встретить человека вполне знающего все эти обряды, соединенные с празднествами в честь медведя». Н.Н. Харузин сравнил этот культ у хантов и манси с обрядами подобного рода у других народов, отнес его к числу зоолатрических (основанных на анимизме, тотемизме, страхе перед хищником или почитании его полезных свойств), выявил две линии в фольклоре относительно происхождения медведя и сущности его образа (медведь как сын небесного бога и как потомок людей), на основе литературных данных подробно описал обряд «медвежьей присяги» – клятвы на туше или шкуре медведя, ее частях (лапе, морде, черепае, носе, зубе). Н.Н. Харузин приводит также интересные данные (по Эрману, использовавшему материалы Ф. Белявского, позаимствовавшего их, в свою очередь, у первоисточника – В.Н. Шаврова): кое-где остяки (ханты) относятся к убитому медведю насмешливо – перед медвежьим праздником сеном набивают его шкуру, топчут ее, плюют на нее, поют насмешливые песни (такой сильный зверь не мог устоять перед человеком); после этого чучело чествуют как своего бога-покровителя²⁷. Эти данные никем более не были подтверждены.

А. Каннисто очень подробно описал драматическое искусство, представленное на медвежьем празднике у манси («вогульский театр», в том числе кукольный), отметив, что танцы и пантомимы, подражания животным на празднике – более древние, чем драматические сценки. Он подчеркнул близость медвежьих обрядов похоронным, роль в них Мир-сусне-хума (одного из важнейших духов манси), а также отметил наличие военного танца семи мужчин с деревянными саблями²⁸. К.Ф. Карьялайнен проанализировал культ медведя и медвежий праздник в общем контексте мировоззрения хантов и манси, их религии и обрядов. Важно то, что он выявил различия в церемониях при добыче медведя, доставке его домой и во время «медвежьего пира» у разных групп хантов и манси, подчеркнув, что последние достигают кульминации у северных манси, а первые – у южных хантов (Иртыш). По мнению ученого, главная цель церемонии – «обольщение» медведя, при этом она напоминает обращение с умершим человеком²⁹. Черты региональной специфики в обско-угорском медвежьем празднике отметил и Б.А. Васильев в упомянутой выше работе. Интересен и его вывод о том, что этот праздник связан с культом коня, характерным для степной полосы Западной Сибири, Юго-Западной Азии и южной Европы, в том числе и для древних арийцев, массагетов (Геродота), западных гуннов и алтайцев: «Весь ритуал жертвоприношения коня в целом, а также его эротический аспект связывают ритуал Алтая, Оби и Урала с древними ритуалами Индии и Индо-Китая»³⁰.

В.Н. Чернецов в своих работах впервые обоснованно выделил два вида медвежьего праздника у хантов и манси: спорадический (по случаю охоты на медведя) и периодический, календарный, связав последний с фратриальными обрядами (медведь – предок одной из фратрий – Пор)³¹. Подробно описав этот праздник, он заметил присутствие иранского элемента в драматическом искусстве, кукольном представлении и костюмах танцоров³². Впервые описаны им и танцы предков генеалогических групп – так называемые «звериные и птичьи танцы».

Опираясь на материалы по восточным хантам, В.М. Кулемзин отнес культ медведя и связанные с ним обряды к промысловым культам, отметив двойственность природы медведя в представлениях хантов: с одной стороны, это мясо зверя, которое едят, с другой – гость-родственник (в виде шкуры с головой), которого чествуют³³. В.Н. Топоров, исследуя мифологию народов Сибири, обнаружил в обско-угорских мифах значительное иранское влияние и сделал вывод о том, что образ мансийского божества Мир-сусне-хума, младшего сына Нуми-Торуума может отождествляться с иранским богом Митра³⁴. Е.А. Хелимский, Н.И. Новикова и И.Н. Гемуев успешно развивали эту идею³⁵.

Венгерская исследовательница Е. Шмидт, отметив особенность культа медведя

северных хантов в ряду подобных культов, рассмотрела его «внутренние мировоззренческие связи» – место данного культа в их традиционном мировоззрении в связи с трехчленным делением Вселенной (Верхний, Средний и Нижний миры). Она показала, что медведь в образе Старика священного города (Ялпус-ойка – хозяин священного места в селении Вежакоры на Нижней Оби, центре фратрии Пор) воспринимается хантами и манси как представитель нижнего, земного начала и обладает медиаторско-охранительными функциями (между Средним миром людей и Нижним миром духов), основанными на его роли в моделировке мира (наряду с Мир-сусне-хумом, имеющим черты южного, солнечного всадника-бога, являющегося медиатором между Средним и Верхним мирами)³⁶. По ее мнению, сущность культа медведя у обских угров – медиаторская функция медведя во всех трех мирах, возникшая в результате контаминации двух образов: Священного старика и Мир-сусне-хума³⁷. Она высказала также мнение о том, что драматическая традиция медвежьего праздника хантов и манси «в древности» была свойственна обрядности духов³⁸.

Н.И. Новикова, посвятившая монографию праздникам манси, обобщила все имеющиеся в литературе материалы по медвежьему празднику, сравнив их с хантыйскими обрядами в честь медведя и подробно остановившись на периодических церемониях северных манси и спорадических у других их групп. Сославшись на труды Б. Мункачи, В.Н. Чернецова, В.Н. Топорова и других, она охарактеризовала южные элементы в медвежьем празднике угров. На основе своих полевых материалов Н.И. Новикова описала и проанализировала данные о кукольном театре манси как части праздника³⁹. И.Н. Гемуев подчеркнул наличие двух пластов в обско-угорском культе медведя – палеосибирского, с образом Ялпус-ойки и древнеугорского, с образом Мир-сусне-хума, угорского Митры. Он отнес медвежий культ к промысловому, отвергнув мысль о его причастности к тотемизму, хотя и отметил, что в клятве на лапе медведя последний проступает как предок⁴⁰. Н.В. Лукина выявила общие и особенные черты в культе медведя хантов и манси, сравнив отдельные его элементы с подобными же в культуре их соседей, и обнаружила параллели с кумандинцами и другими группами северных алтайцев, сославшись при этом на исследования С.В. Иванова⁴¹. Н.В. Лукина считает, что этническая специфика обско-угорского медвежьего праздника проявляется в пяти его элементах: 1) «медвежий язык», 2) обряды очищения водой и снегом, 3) народный театр, 4) набор специальных атрибутов, 5) периодичность обрядов. Смысл медвежьего праздника исследовательница видит в примирении души медведя-предка с охотниками, возрождении промыслового животного, совершении погребальных церемоний. Она отмечает также три варианта представлений о медведе: небесное (сын бога); земное (предок человека и лесного духа менква); связанное с духом земли⁴². Говоря о причинах локальных различий в медвежьих церемониях у разных групп хантов и манси, Н.В. Лукина ссылается на точки зрения В.Н. Чернецова (разная степень сохранности обрядов) и К.Ф. Карьялайнена (ранняя и поздняя стадии развития культа).

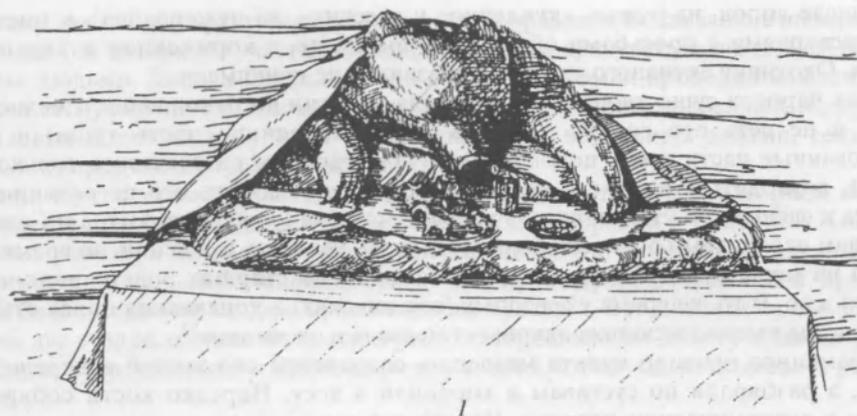
Т. Молданов подробно описал весь цикл спорадического медвежьего праздника северных (казымских) хантов, показав, как в нем отражено (а через него воспроизводится в каждом поколении хантов) их традиционное мировоззрение, их представления о Вселенной, ее горизонтальной и вертикальной модели, духах Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Интересны его данные о том, что после проведения медвежьего праздника медведь становится духом-охранителем семьи или рода охотника, убившего медведя⁴³. Мне также приходилось писать о культе медведя и медвежьем празднике как у обских угров, так и у народов, особенно народов Сибири. В этих работах я высказала несколько идей по поводу типологии и происхождения данного интересного явления культуры, в частности о связи его происхождения у обских угров как с тотемизмом, так и с промысловым культом, о существенном отличии амурсахалинского варианта праздника от обско-угорского и общесибирского в целом (связь с родом и погребальным культом), о позднем зоолатрическом характере культа медведя у народов Сибири в XIX–XX вв.⁴⁴ Сегодня, когда накоплена обширная

источниковая база по данной проблеме, есть смысл еще раз вернуться к ней. В этой связи рассмотрим проблему происхождения культа медведя и медвежьего праздника. В его древности никто не сомневается, поскольку, как верно подметил Б.А. Васильев, он связан с охотничьим хозяйством, которое существует с палеолита.

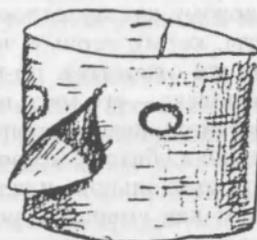
Большинство авторов видит в культе медведя и медвежьем празднике проявления промыслового культа⁴⁵. Г.М. Василевич считала, что медвежий миф возник позднее охотничьих мистерий (промысловой охотничьей магии), а Б.А. Васильев и В.М. Кулемзин – что медвежьи мифы архаичнее шаманских и медвежий культ сложился раньше шаманизма⁴⁶. Б.А. Васильев, рассмотрев особенности амуро-сахалинского варианта медвежьего праздника, сделал вывод о двух хронологически неоднородных пластах в нем – древнейшем евразийско-американском и более позднем, связанном с южным влиянием⁴⁷. К такому же выводу пришли исследователи обско-угорского культа медведя⁴⁸. В этом аспекте особенно интересен вывод И.Н. Гемуева о связи представлений хантов и манси о Ялпус-ойке (Священном старике) в облике медведя с палеосибирским субстратом и образа Мир-сусне-хума (угорского Митры) с собственно угорским компонентом⁴⁹.

В культе медведя и медвежьем празднике у всех народов Евразии и Северной Америки обнаруживается единый древний пласт представлений и обрядов, связанных с медведем. С большой долей достоверности мы можем отнести к ним следующие⁵⁰: представления о медведе как о человеке (медведь подобен человеку, особенно он похож на него в освежеванном виде), который все слышит и понимает, в том числе человеческую речь (отсюда так называемый медвежий язык, т.е. подставные имена медведя⁵¹, иносказательная речь в связи с медведем и охотой на него), поэтому его нельзя ругать, оскорблять, смеяться над ним; меры предосторожности при сборе на охоту и на самой охоте: медведя обычно добывают в берлоге, случайно встреченного – редко, только если он «вызвал» охотника на бой – оставил царапину на дереве, в ответ охотник делает зарубку; охотничий инвентарь окуривают; оставшиеся в селении соблюдают во время охоты разные табу (не кричат, не шумят, поддерживают чистоту). В берлоге медведя сначала будят (спящего убивать нельзя), перед выстрелом предупреждают: «Вылезай, старик»; к нему обращаются с извинительными речами, предлагают выйти и быть гостем охотников. После того, как животное убьют, его вытаскивают, повязав аркан или петлю на шею. Свежую тушу, охотники имитируют раздевание медведя («Старик, давай снимать шубу»): на брюхо кладут палочки-«пуговицы» или делают надрезы, оставляя полоски-«пуговицы» кожи, затем символически разрезают, ломают («соцелкивают») палочки или разрывают полоски. На дереве делают зарубки о числе убитых медведей либо другие метки⁵². Доставляя тушу медведя в селение, кричат, стреляя в воздух, каркают по-вороньи, возлагая вину за убийство медведя на ворон. Объект поклонения – голова или шкура медведя с неосвежеванными головой и лапами (реже вся туша). Ее приветствуют при встрече в селении (кричат, стреляют) как дорогого почетного гостя, помещают в доме охотника в красном углу, украшают ее, используя серьги, кольца, стружки инао и др., ставят перед ней угощение, табак, спички, вино, жертвуют монеты, платки, теленка, оленя и пр. При этом и медведя, и охотников, и всех остальных участников праздника окуривают дымом чаги, пихтовых веток, хвои, у хантов и манси обрызгивают водой и валяют в снегу. К этому же комплексу относятся и представления о медведе и вороне, о медведе и бурундуке, отразившиеся в криках по-вороньи и свисте по-бурундучьи во время обрядов.

С носа и части губ срезали узкий ремень и использовали его как маску, надевая на лицо, лоб. В этой маске охотник уподоблялся медведю и боролся с ним, отождествляя победу над ним. Затем этот ремень хранили. Борьба с медведем – частый сюжет праздника: это либо охотники в медвежьей шкуре (ваховские ханты), либо журавль и медведь, куклы и медведь (северные угры), либо мальчики (эвенки). У нивхов и орочей был и другой игровой обычай – обхватывать голову медведя в доказательство смелости охотника. Вероятно, это архаичные промыслово-магические обряды.

2

3

Рис 1. Медвежий праздник обских угров: 1 – шкура с головой медведя в «жертвенной позе» на медвежьем празднике (манси, р. Ляпин, 1966 г.). Рис. Г.А. Вороновой. Полевые материалы автора за 1966 г.; 2–3 – берестяные маски медвежьего праздника. Тобольский музей. Рисунки С. Стручкова. Полевые материалы автора за 1969 г.

Широко известен и обряд гадания на медвежьей лапе: об исполнении желания (у эвенков), об удаче в промысле (у ваховских хантов), о следующем медвежьем празднике (у северных хантов), о желательной жертве медведю, его желании проводить праздник и быть домашним духом-охранителем семьи (у казымских хантов), о том, кто из умерших родственников явился в облике медведя (у кетов, восточных хантов).

Поедание мяса медведя составляло главный этап праздника. Медвежье мясо ели, как правило, вареным (в первый же день праздника, кроме обских угров, устраивавших медвежью трапезу лишь в последнюю – четвертую или пятую – ночь). Только народы Амура и Сахалина ели сырыми сердце (также кеты и эвенки), печень, пили кровь. Сахалинские нивхи и айны жарили табуированные части туши – сердце, легкие, грудину, мясо сосков (на табуированном огне). Мозг не ели, за исключением нивхов, негидальцев и орочей. Голову и другие табуированные части туши могли есть не все (только мужчины, только чужеродцы, только охотники). Женщины ели заднюю часть туши (за исключением нивхов, у которых ее давали лишь уважаемым гостям). Голову варили отдельно, в последний день праздника (обычно он был многодневным, хотя и проводился, как правило, ночами) и только мужчины. Совершали обрядовое вынимание глаз. У кетов и восточных хантов охотник глотал их (у эвенков – редко, лишь «на счастье»), айны, ороки, эвенки хоронили их отдельно. Поедание мяса сопровождалось извинительными обрядами и речами (вина за поедание мяса перекладывалась на птиц,

в том числе ворон, на ружье, «купленное у русских», на чужеродцев), а также танцами-мистериями с просьбами об удаче в промысле, с кормлением и украшением медведя. Охотники активного участия в празднике не принимали.

У всех народов существовали запреты для женщин по отношению к медведю: не варить и не есть его голову (у угров также переднюю часть туши) и другие табуированные части туши, целовать морду (у угров это разрешалось только через платок), подходить к клетке с медведем, кормить и водить его по селению, прикасаться к священной утвари, видеть убиение медведя (у народов Амура и Сахалина); женщинам необходимо было соблюдать запреты, находясь в селении, во время охоты мужчин на медведя, «избегать» медведя так же, как старших родственников мужа (у угров) и др. В то же время у северных (сосвинских) и кондинских манси отмечены случаи, когда именно женщина окуривает медведя и охотников⁵³.

Непременное правило культа медведя – сохранение его костей и черепа; их не рубили, а разбирали по суставам и хоронили в лесу. Нередко кости собирали на помосте в анатомическом порядке. Черепа держали в лесу, в специальных срубках, амбарах, на деревьях, нанизанными на высокие пни⁵⁴, на чердаках домов. Считалось, что, если собака изгрызет череп медведя, охотника задерет медведь. Эти обряды были необходимы, чтобы после смерти зверь возродился вновь, что соответствует главному мифу промыслового культа – об умирающем и воскресающем звере⁵⁵. Когти, зубы медведя (клыки) использовали в качестве амулетов.

К промысловому культу относятся представления о том, что медведь – лесной человек (ханты, кеты), горный человек-дух (нивхи), что его посылает дух-хозяин тайги. К нему же относятся, по-видимому, обычаи, касающиеся медведя-убийцы, задравшего человека – его мясо не ели, тушу сжигали (угры, кеты) или же разбрасывали мясо в тайге (нивхи), хоронили в срубке (негидальцы).

По отношению к убитому медведю широко распространены также обычаи и обряды похоронно-поминального цикла, характерные для умершего человека. Медведя и воспринимают как умершего родственника, пришедшего в гости. Это похороны костей и черепа (у эвенков, кондинских манси – на помосте), уподобление праздника поминкам, траур после праздника, внесение и вынос шкуры и мяса медведя не через дверь, а через окно, дымовое отверстие (ханты, манси, саамы, эвенки, нивхи, орочи), накладывание монет, бляшек, берестяных кружков на глаза и нос медведя (у угров это замена погребальной маски покойного), втыкание топора в порог дома или около морды медведя, расчесывание его шерсти ритуальной (похоронной) расческой, укладывание медведя для свеживания головой на восток, трапеза в лесу после охоты (угры, кеты), жертвоприношение собак, снаряжение медведя как умершего человека (так называемый дорожный пояс), хранение шкуры в течение 40 дней (народы Амура и Сахалина).

Вероятно, с похоронным обрядом сближается и обычай проводить медвежий праздник, содержать медведя в неволе в течение определенного срока (три, пять, семь ночей, три года), кричать, стрелять, разрезать «пуговицы» на «шубе» медведя определенное число раз (от 2 до 7 раз), что скорее всего связано с представлениями о числе ипостасей души у человека и медведя (например, у хантов и манси четыре – у медведицы, пять – у медведя).

Все эти обряды и обычаи укладываются в ряд промысловых в честь умирающего и воскресающего зверя: к нему относятся как к человеку и проводят все обряды, чтобы обеспечить его душе возрождение. На медвежьем празднике нередко просили об удаче в промысле, гадали об этом. Среди подобных обрядов много очень архаических: танцы и пантомимы-подражания медведю (в том числе и в медвежьей шкуре), крики по-вороньи, окуривание (очищение), обряды с глотанием глаз, приготовление медвежьего мяса без соли, запрет резать его ножом и есть ложками (особенно металлическими), запрет отрезать мясо у рта, выковыривать палочками из зубов, пить чай во время медвежьей трапезы (негидальцы), похороны костей и черепа и др.

Отметим также, что культ медведя и медвежий праздник не связаны с шаманством, он проходил без активного участия шаманов, которые присутствовали на нем наравне с другими людьми. Лишь у эвенков после праздника шаман проводил камлание для очищения его участников. Упомянем также использование медвежьей шкуры для изготовления колотушки бубна и плаща шамана у восточных хантов, селькупов и эвенков. Скорее всего это более поздние явления.

Все эти черты, характерные для промыслового культа, в той или иной степени представлены в медвежьих церемониях всех народов Евразии и Северной Америки. В большей степени и чаще они развиты как охотничья магия (ранняя стадия промыслового культа), в меньшей степени и реже – как культ духов-хозяев тайги, представляющий более позднюю стадию промыслового культа⁵⁶. Это деление промыслового культа на две стадии хорошо иллюстрируется материалами по культу медведя у народов Сибири: представления о духах-хозяевах зверей, в том числе медведей, развиты не у всех.

Однако в медвежьем празднике есть ряд элементов, отличных от перечисленных выше и явно не связанных с промысловым культом. Это фратриальный характер периодических медвежьих праздников (игрищ) обских угров и связанные с ним его особенности (танцы предков – птичьи и звериные, цикл медвежьих песен, танцы-пантомимы и сценки-импровизации как основа народного театра, кукольные представления и др.), а также периодические медвежьи праздники амуро-сахалинских народов, приуроченные к большим поминкам, с ритуальным убиением-жертвоприношением выращенного в неволе медведя.

Н.Н. Харузин, А.М. Золотарев, В.Н. Чернецов, Е.А. Алексеенко, А.Ф. Анисимов, Г.М. Василевич, В.И. Цинциус видели в медвежьем культе проявление тотемизма⁵⁷. А.В. Смоляк, С.А. Токарев, а вслед за ними и И.Н. Гемуев выступили категорически против признания тотемических корней культа медведя, считая, что этому животному поклоняются представители всех родов⁵⁸. Действительно, в конце XIX–XX в. медведь у многих народов стал объектом всеобщего поклонения, превратился из родового (где первоначально был таковым) в межродовой (например, у кетов), а из фратриального – в племенной (у угров). Но это произошло со временем: культ медведя не оставался неизменным, он трансформировался за тысячелетия его существования. Широко бытующие мифы о родстве человека с медведем через брак женщины и медведя, термины родства, с которыми обращаются к медведю, нередко принято рассматривать как признак тотемизма. Однако это не совсем правильно: для тотемизма характерны представления о родстве с медведем целой группы людей (род, фратрия). Возможно, в некоторых случаях эти мифы и термины связаны с древними тотемическими представлениями, утраченными со временем, но в каждом отдельном случае этот вопрос следует изучать с учетом разных материалов.

Наиболее ярко тотемизм выражен в культе медведя у хантов, манси, кетов и селькупов, у которых отмечены роды или фратрии, ведущие свое происхождение от медведя. У северных групп хантов и манси в культе медведя прежде всего ярко выражен фратриальный тотемизм: происхождение людей фратрии Пор от медведицы, названия генеалогических групп – их часто называют родовыми (например, *пуни-сир* – медвежий род), в связи с этим – особые периодические календарные обряды – «медвежьи игрища», проводившиеся в специальном общественном доме⁵⁹. Они не приурочены к удачной охоте на медведя, а обращены к его священной шкуре и сопровождаются мистериями, в которых мифологические песни о медведе-предке и тотемические танцы зверей и птиц, исполняемые под звуки цитры и арфы, сочетаются с народным театром (бытовые танцы, драматические сценки-пантомимы с актерами в масках и бутафорскими атрибутами, кукольный театр). В этих мистериях усилены мотивы извинения перед медведем и умиловления его, но не столько за его убиение и поедание мяса, сколько за «грехи» людей. Обско-угорскому культу медведя соответствуют особо развитый «медвежий фольклор» (медвежьи песни⁶⁰ и мифы) и «медвежий язык» (до 500 терминов, среди них – 132 подставных названия

медведя)⁶¹, а также бытовавший еще в начале XX в. на Конде запрет убивать медведя и есть его мясо, пережитки этого обычая у иртышских хантов и южных манси (мясо не ели, а тушу хоронили в земле), запрет жевать медвежье мясо (его можно только глотать), клятва на медвежьей шкуре, его норке, голове, зубе, лапе. Шкура медведя священна, ее не выделывают (а раньше и не продавали), хранят в священном сундуке (тогда как у эвенков, например, ее используют и как подстилку). Медведь не связан с духом-хозяином: лесной дух Вонт-ики (Урманый старик) ведает всеми зверями, кроме медведя. У хантов и манси женщины «избегают» медведя, как старших родственников мужа, закрывая лицо платком в его присутствии.

Для медвежьего праздника обских угров характерно также то, что тушу убитого медведя везут в селение через все достопримечательные и священные места (казымские ханты), а медвежью шкуру во время церемоний укладывают в доме в так называемой «жертвенной позе»⁶², а точнее – в позе спящего медведя, лежащего на животе, вытянувшего передние лапы и положившего голову между ними. Перед зверем ставят угощение и фигурки из теста оленей, лосей, птиц (очевидно, это замена жертвенных животных). На периодическом празднике в дом вносят шкуру медведя с головой, набитой сеном. Известны сообщения о почитании и чучела медведя. У обских угров широко распространен также обряд очищения охотников и участников праздника – обрызгивание или умывание водой, а также обсыпание снегом, землей, мхом (последнее расценивается исследователями как маскировка от медведя). На периодическом празднике лиса с подожженным хвостом огнем очищала помещение. Мясо ели специальными палочками, его нельзя было резать ножом. Спорадический медвежий праздник представлял собой сокращенный вариант периодического. Раньше не все северные ханты и манси проводили медвежьи игрища – только члены фратрии Пор⁶³. Орнаменты с мотивом «медведь» священны, их может выполнять лишь опытная мастерица (в семи изделиях за всю свою жизнь) на берестяных кузовах, в которых хранили изображения духов, на ритуальных («медвежьих») рукавицах, мужской одежде; на детской одежде он был оберегом от злых духов⁶⁴.

Все эти особенности выделяют культ медведя и медвежий праздник хантов и манси в особый вариант, связанный с тотемизмом. Некоторые из этих особенностей можно обнаружить и у других народов. Например, коми раньше не ели медвежье мясо, а тушу хоронили (позднее стали продавать по дешевой цене либо отдавать соседям). Сахалинские нивхи не едят мясо «своего» медведя (убитого на охоте или выращенного), а лишь того, которого добудут или вырастят чужеродцы – их собственники (из рода зятьев). Тотемические этнонимы известны у эвенков. Как у хантов и манси, так и у эвенков, эвенов и кетов зафиксированы мифы, в которых говорится о том, что медведь сам завещал людям, как проводить медвежьи церемонии⁶⁵.

У амуро-сахалинских народов (нивхов, ульчей, нанайцев, ороков, негидальцев) были как спорадические (после охоты на медведя), так и периодические медвежьи праздники, проводившиеся в январе-феврале. Для них были характерны иные особенности: выращивание медведя в неволе (в клетке около дома), вождение его по селению, угощение и увеселение (пение и пляски под игру на музыкальном бревне, спортивные игры и состязания – собачьи гонки, прыжки в длину и высоту, фехтование на палках и др.), ритуальное убиение зверя на специальном стрельбище, приуроченность медвежьих церемоний к большим поминкам (после смерти детей, супругов, родителей покупали или отлавливали медвежонка и выращивали его в течение трех лет), на которых шаман отправлял душу умершего в загробный мир; наличие ритуального инвентаря (стружки *инао*, ковши, ложки), обмазывание пищей («кормление») черепа, наконец, связь культа медведя с культом близнецов.

У нивхов медвежий культ носит четко выраженный родовой характер. У каждого их рода есть свой род горных медведей; водят медведя по домам лишь члены рода, его вырастившего; варят и жарят медвежье мясо на родовом огне. Участвуют в охоте и убивают медведя на стрельбище чужеродцы – зятья и тестя, они же режут мясо,

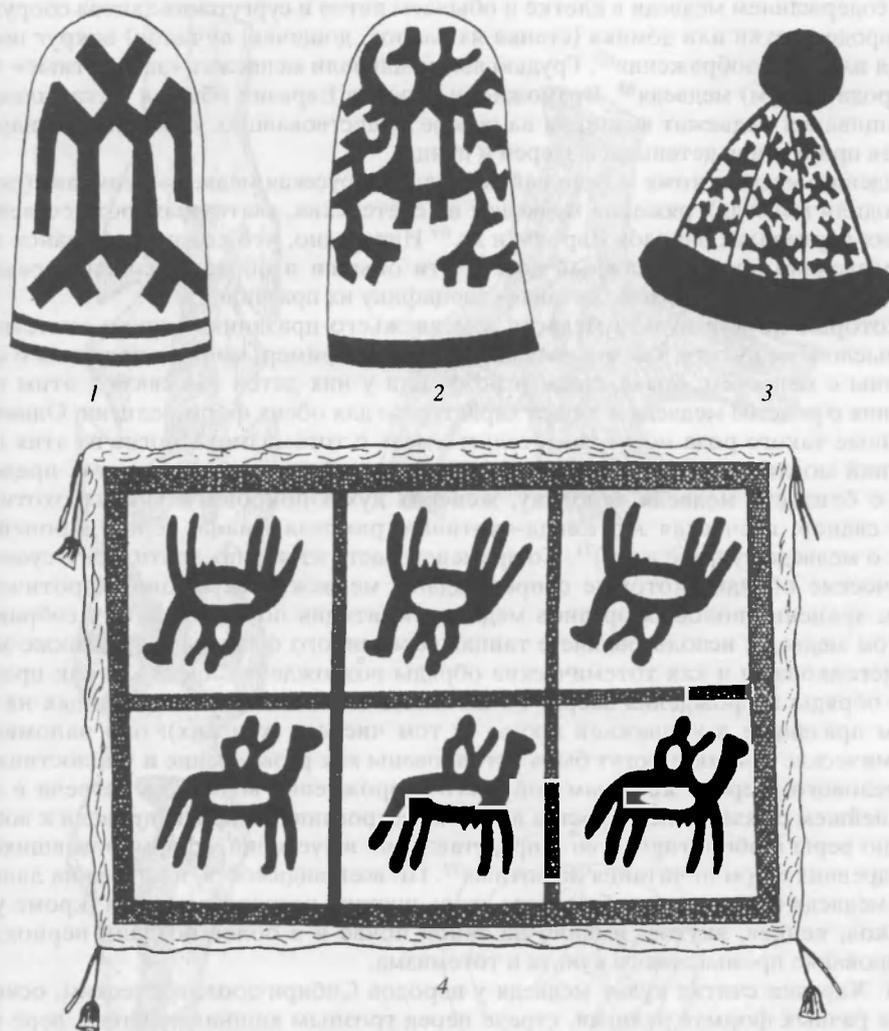

Рис. 2. Культурные предметы для медвежьих игр: 1–2 – рукавицы с изображением медведя; 3 – шапка; 4 – покрывало с изображением Мир-сусне-хума (Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2000. Рис. 44)

поедают табуированные части туши (жир, печень, сердце и др.), ломают и рубят кости таза, готовят угощение медведю. Члены рода зятьев – почетные гости праздника.

Роль чужеродцев, членов родов зятьев и тестей на празднике, обязательное наделение их мясом медведя (у сахалинских нивхов все медвежье мясо получали они) весьма напоминают тунгусский обычай *нимат*, который диктует обязательность отдачи добычи соседям (у эвенков есть подобный обычай, касающийся мяса медведя; в охоте принимает участие, свежует медведя, ест его сердце чужеродец (*нимак*))⁶⁶.

При детальном рассмотрении этих особенностей можно заметить, что некоторые из них встречаются и у других народов. Так, выращивание зверей в неволе известно многим охотничьим племенам, а медведя – кетам. Интересно провести параллель

между содержанием медведя в клетке и обычаем кетов и сургутских хантов сооружать нечто вроде клетки или домика (стенка из планок, дощечек, лучинок) вокруг шкуры медведя или его изображения⁶⁷. Грудью выкармливали медвежат «заболотные» татары из рода (тохум) медведя⁶⁸. Возможно, у народов Евразии обычаи выкармливания и выращивания медвежат возникли на основе существовавших у охотничьих народов обычаев приручения детенышей зверей и птиц.

Вождению медведя тоже можно найти аналогии: русская медвежья комедия (скомо-рохи водили медведя), ряжение медведем на сретенских, святочных, рождественских гуляниях-карнавалах народов Европы и др.⁶⁹ Интересно, что кондинские манси занесли медвежью шкуру в каждый дом⁷⁰. Эти обычаи и обряды особенно развиты у амуро-сахалинских народов, составляя специфику их праздника.

Некоторые детали культа медведя и медвежьего праздника можно отнести как к промысловому культу, так и к тотемизму. Так, например, мифы и предания о связи женщины с медведем, браке с ним и рождении у них детей и в связи с этим представления о родстве медведя и людей характерны для обеих форм религии. Однако не все данные такого рода могут свидетельствовать о тотемизме. Многие из этих представлений могли сформироваться и на основе промыслового культа, т.е. представлений о близости медведя человеку, женских духах-покровительницах охотников (Дал у сванов, греческая Артемида-охотница, римская Диана, героини европейских сказок о медведе-супруге и др.)⁷¹. Со временем часть из них превратилась в суеверия. Фаллические обряды, которые сопровождают медвежьи церемонии (эротические сценки, хранение половых органов медведя, имитация полового акта с собранным скелетом медведя, использование в танцах деревянного фаллоса и др.) также могут быть истолкованы и как тотемические обряды возрождения предка, и как промысловые обряды возрождения зверя. То же самое можно сказать и о танцах на медвежьем празднике в медвежьей шкуре (в том числе и женских): они напоминают и тотемические пляски и могут быть истолкованы как развлечение и умилование промыслового зверя, с которым после его возрождения возможна встреча в лесу. В дальнейшем с развитием общества подобные верования и обряды привели к возникновению веры в оборотничество – представлений и суеверий, сформировавшихся на почве древних форм почитания животных⁷². По всей видимости, и клятва на лапе или морде медведя (его шкуре, зубе) могла столь широко распространиться (кроме угров у эвенков, ненцев, якутов) именно на такой почве и в более поздний период, чем формирование промыслового культа и тотемизма.

Н.Н. Харузин считал культ медведя у народов Сибири зоолатрическим, основанным на разных формах религии, страхе перед грозным хищником тайги, вере в его полезные свойства. К этому же мнению склоняемся и мы⁷³. Зоолатрия – сравнительно поздняя форма почитания животных, связанного своими корнями и с промысловым культом, и с тотемизмом, и с иными религиозными воззрениями (погребально-поминальные обряды, культ близнецов и др.). Классический пример зоолатрии – почитание животных-богов и богов-животных в политеистической религии древнего Египта. У эвенков медведь еще и полезен: он выполняет лечебную функцию, а кроме того, выступает как культурный герой, давший эвенкам оленей, и помощник бога в создании людей – это тоже явно позднее явление.

Таким образом, можно сказать, что возникший на почве промыслового культа культ медведя и медвежий праздник как наиболее яркое его проявление в XIX–XX вв. были уже зоолатрическими, впитавшими в себя элементы разных культур и религий.

По-видимому, у всех народов основа культа медведя – древняя, палеосибирская (или автохтонно-сибирская), связанная с промысловым культом (точнее, с промысловой магией как ранней стадией этого культа, сформировавшейся раньше представлений о духах-хозяевах). У обских угров, кетов, селькупов, нивхов образовались и тотемические роды, и генеалогические группы, и фратрии, ведущие свое происхождение от медведя. Наиболее ярко это выражено у северных хантов и манси,

Рис. 3. Культ медведя у обских угров: 1 – изображения медведя, солнца и человека на ритуальной палице медвежьего праздника (Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала//Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. В4-12(2). М., 1971. С. 89. Рис. 54); 2 – фигурка медведя с р. Конда (Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени//Древняя история Нижнего Приобья. МИА. Вып. 35. М., 1953. С. 172. Табл. XXIV-3); 3 – гравировка на зеркале (Там же. С.155. Табл. XIII-3)

у которых можно отметить ряд отличительных (от других народов Сибири) черт медвежьего праздника: 1) периодичность и календарность праздника в честь предка Фратрии⁷⁴, 2) укладывание шкуры медведя в так называемой жертвенной позе и отношение к ней как к умершему (монеты на глазах, украшение, угощение), 3) народный театр (сценки-пантомимы, диалоги масок, кукольные представления) с актерами-мужчинами в костюмах и масках, говорящих фальцетом, с бутафорией

(маски⁷⁵, посохи-палицы⁷⁶, сабли, костюм – халаты, шапки, платки, шкурки, рукавицы, а также деревянные журавль, фаллос, металлические колокольчики, счетные бирки для отсчета песен – своеобразный конферанс – или фиксации числа жертв медведю), 4) общественный дом для проведения периодических медвежьих праздников, 5) большая роль культа медведя в мировоззрении хантов и манси. К этому можно добавить еще два пункта, выделенные Н.В. Лукиной, хотя они известны и другим народам Сибири: 6) многочисленные обряды очищения водой, снегом, огнем, землей, мхом, 7) фигурки из теста (известны алтайцам, но не в связи с культом медведя).

В силу того что у обских угров медведь – и промысловый зверь, и тотем фратрии Пор, его культ оказался очень тесно связанным с их мировоззрением. Медведь, в их представлении, и земное существо, потомок людей, человек (без пятого пальца), и сын женщины и лесного духа менква, и сын героя, и рожденный от духа земли, и медиатор между людьми и Нижним миром, и небесное существо, спущенное богом Торумом на землю, и культурный герой, получивший от Торума и отдавший людям лук, стрелы и огонь, и представитель истины и справедливости на земле, и духохранитель семьи⁷⁷. Он и умерший родственник, а мясо его – пища людей. Эти порой противоречивые представления могли сформироваться лишь одновременно в течение длительного времени. Прав Ю.В. Ширин, говоря, что в культе медведя мы находим «смешение нескольких явлений», «медведь поглотил сущности нескольких религиозных обрядов»⁷⁸.

У хантов и манси можно четко проследить более поздние напластования ряда элементов на первоначальный промысловый характер медвежьего праздника, что связано с их двухкомпонентным происхождением, слиянием таежных аборигенных уральских племен охотников и рыболовов с южными скотоводческими угорскими племенами, испытывшими на себе влияние индо-иранских племен скифов и сарматов. Это связь с культом коня (в медвежьих мифах младший сын Нуми-Торума Мир-суснехум, побеждающий медведя – всадник на белом коне; маски менквов, персонажей праздника, с конскими хвостами); тряпичные куклы на ногах и деревянные куклы, управляемые с помощью музыкального инструмента, с которыми они связаны нитью, аналогичные индийским; актеры-мужчины, говорящие фальцетом; драма как жанр; маски с нарисованными бородой и усами (не характерны для угров); костюмы (возможно, распашная одежда – халаты актеров, изображающих духов, с запахом справа налево, не свойственным алтайским и шорским в отличие от повседневных женских с полами, соединенными встык, как у шорцев; манера подпоясывания их широкими полосами ткани; платки поверх этих халатов, перекрещенные на груди; островерхие конусообразные шапки, не имеющие аналогий у народов северной Сибири); танцы с мечами или саблями, имеющие аналогии на юге (Кавказ, Передняя Азия). Если учитывать, что первую волну угров в Западной Сибири связывают с андроновцами, то эти явления или хотя бы часть их можно датировать не позднее II тыс. до н.э., а точнее – XII в. до н.э. (эпоха поздней бронзы)⁷⁹.

Более поздние напластования – это черты сходства в обрядах и обычаях с северными алтайцами (фигурки из теста, каша саламат, которой кормили медведя), а также, возможно, с кетами и эвенками (медведь и бурундук, глотание глаз, сожжение туши медведя-убийцы). В медвежьем празднике обских угров отразились также и христианизация, и современная трансформация мировоззрения и уклада. Примером поздних интерпретаций медвежьих обрядов может служить миф о том, что бог Торум разрешил людям охоту на медведя потому, что тот нарушил волю бога и стал есть людей (легализация убийства тотема-предка).

У народов Амура и Сахалина (нивхи, орочи, ульчи, ороки, нанайцы, удэгейцы, а также айны) тоже можно отметить ряд местных особенностей медвежьего праздника, составляющих более поздний пласт, чем промысловый. Это следующие особенности: 1) у них, как и у обских угров, помимо спорадических медвежьих праздников (после охоты на медведя) были и периодические, приуроченные к большим поминкам.

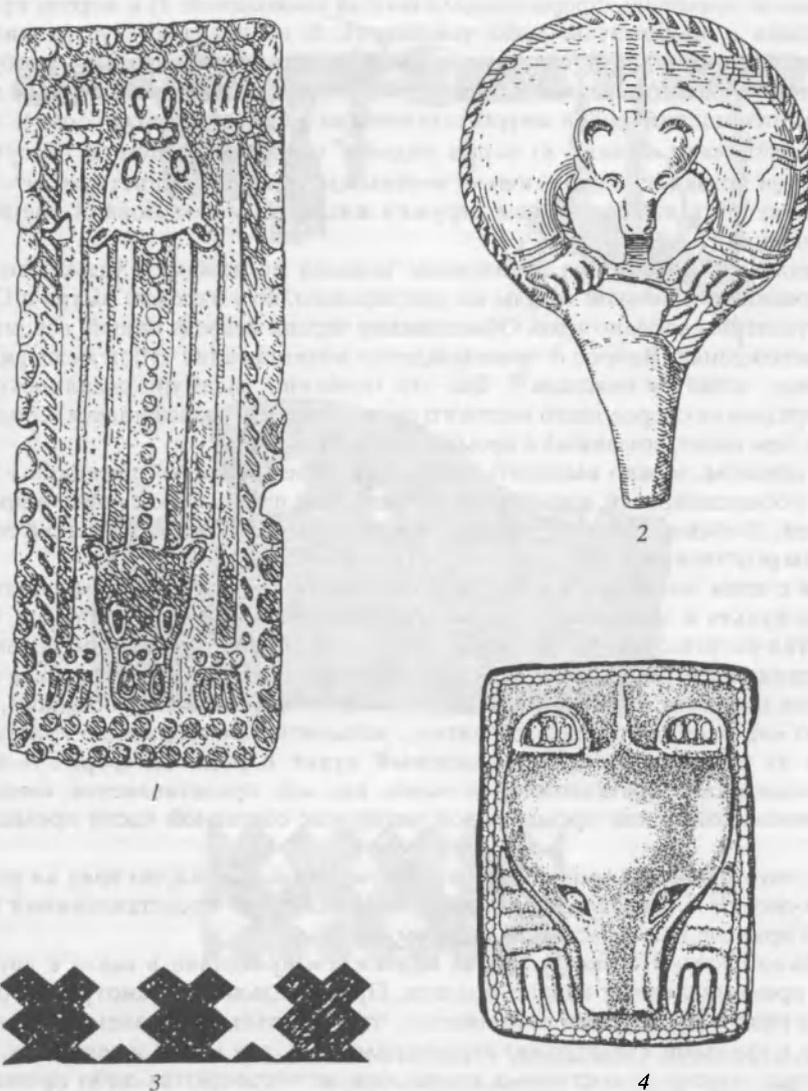

Рис. 4. Изображения медведя у обских угров: 1 – бронзовый браслет с изображением медведей в «жертвенной позе» (могильник Ленк-понк, р. Обь близ Самарова). (Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в 1 тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА. Вып. 58. М., 1957. С. 205. Табл. XXXI-1); 2 – эполетообразная застёжка с изображением медведя в «жертвенной позе» (Пермская обл.). (Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени. С. 128. Табл. III-2); 3 – орнамент «медвежьи уши» (Сязи А.М. Указ. раб. Рис.12); 4 – бронзовая бляха с изображением медведя в «жертвенной позе» (Гляденовское костище). (Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Еще раз о культе медведя// «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» Барнаул, 1995. Рис.1–4)

Это первое и главное различие, явление, несвойственное другим народам Сибири. Из этой особенности амуро-сахалинского варианта медвежьего праздника вытекают и другие; 2) после смерти ближайшего родственника (родителя, супруга, ребенка) надо было в течение трех лет растить в клетке около дома купленного или пойманного медвежонка, иногда выкармливая сосунка грудью; 3) медведя водили по домам, что можно рассматривать как драматизацию медвежьего мифа; 4) медведя убивали на

специальном стрельбище, оформленном с особой символикой; 5) в жертву приносили собак (собака – провожатый души умершего); 6) на празднике устраивали игры и состязания; 7) праздник носил ярко выраженный родовой характер, особую роль играли в нем члены рода зятьев и тестей, что, возможно, связано с особым характером взаимоотношений родов амуро-сахалинских народов (союзы *дох*), а также тунгусским обычаем *нимат*; 8) череп медведя обмазывали пищей («кормление» черепа); 9) на празднике использовали местный музыкальный инструмент – бревно; 10) большую роль играли на нем стружки инао; 11) использовали специальную ритуальную посуду.

Выращивание медвежонка и вождение медведя по домам, а также, возможно, и использование ритуальной посуды не оригинальны, но у народов Амура и Сахалина они представлены особенно ярко. Обмазывание черепа медведя пищей, вероятно, южного происхождения. Вопрос о происхождении подпиливания зубов медведя, известном у айнов, остается неясным⁸⁰. Все эти особенности амуро-сахалинского медвежьего праздника скорее всего местного происхождения, развившиеся в более позднее время, чем пласт, связанный с промысловым культом.

Таким образом, можно выделить три варианта медвежьего праздника у народов Сибири: 1) общесибирский, или палеосибирский, как проявление древнего промыслового культа, 2) обско-угорский, фратриальный, 3) амуро-сахалинский, приуроченный к поминкам родственника.

В связи с этим возникает очень сложный вопрос о времени формирования промыслового культа и тотемизма, а также погребально-поминальных обрядов. С.А. Токарев считал погребально-поминальные обряды древнейшими, а самой древней формой почитания животных – тотемизм. Возникновение промыслового культа он относил к более позднему периоду (начало разложения первобытной общины), подчеркивая, что «на ранних ступенях развития... элементы промыслового культа не выделяются из тотемизма» и «промысловый культ в родовой форме – модификация тотемизма»⁸¹. Все изложенное выше, как мне представляется, свидетельствует о раннем появлении промысловой магии как составной части промыслового культа.

Роль культа медведя в мировоззрении хантов очень велика, но вряд ли он составляет его основу⁸² – скорее всего лишь в связи с общими представлениями о живой и неживой природе и промысловым культом в целом.

Несколько слов об обско-угорском медвежьем празднике в связи с двухкомпонентным происхождением хантов и манси. При детальном рассмотрении описаний праздника разными авторами оказывается, что отдельные его элементы (а именно связанные с южными культурами) характерны лишь для манси и северных, отчасти южных групп хантов; у восточных хантов они не встречаются либо представлены слабо, в размытой форме. Это отсутствие представлений о медведе как о предке фратрии, сыне богатыря, культурном герое, духе-охранителе семьи, представителе истины и справедливости, отсутствие периодических праздников и связанных с ним элементов (общественный дом, танцы предков групп, танцы с оружием, народный театр с актерами-масками, куклами, костюмами, богатой бутафорией). Бутафория праздника намного беднее, медведеподобные маски скорее напоминают шапки (т.е. их цель – превращение человека в медведя, а не маскировка); нет масок менквов с конскими хвостами. Таким образом, в медвежьем празднике восточных хантов отсутствуют элементы либо южного происхождения, либо более поздние: в нем больше элементов, связанных с охотой на медведя, чем с поеданием его мяса, в том числе и архаичных.

Все эти материалы позволяют предположить, что волны угорских племен переселялись с юга на север преимущественно по Иртышу на Нижнюю Обь и их левые притоки. Правобережье Оби развивалось во II–I тыс. до н.э., очевидно, по-иному. Согласно данным В.М. Могильникова, в основе формирования северных, южных и восточных хантов лежали разные культуры: у северных – нижнеобская культура,

Рис. 5. Культ медведя у обских угров: 1 – охотничий пояс с медвежьими клыками-амулетами (ханты. р. Казым, 1969 г.). Рисунок С. Стручкова. Полевые материалы автора за 1969 г.; 2 – изображение медведя на ножнах (Яр-Сале, Ямал). (Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... С. 156. Табл. VII-2); 3 – орнамент «медвежий позвонок» (Сязи А.М. Указ. раб. Рис. 13)

унаследовавшая влияние угров в эпоху бронзы, у южных – потчевашская и усть-ишимская культуры, унаследовавшие влияние угров первой (в эпоху бронзы) и второй (в эпоху раннего железа VI–V вв. до н.э.) волн угров, у восточных – нижеобская культура, испытавшая влияние кулайской и усть-ишимской культур. В восточной группе хантов влияние угров на аборигенное население было либо слабее, либо ослаблено последующими этногенетическими процессами. Данный вывод подтверждают и иные материалы, касающиеся южных элементов в культуре восточных хантов (не столь значительная роль металла и изделий из него в религии и культах, отсутствие культа Золотой Бабы, женской распашной одежды, сочетающей платье и халат, музыкального инструмента арфы и др.)⁸³.

В связи со сказанным выше возникает также вопрос о происхождении дуально-фратриального деления хантов и манси: кто прав – В.Н. Чернецов (автор данной

статьи придерживается его точки зрения) или В. Штейниц⁸⁴? Если у восточных хантов нет фратриального предка-медведя и соответственно периодического медвежьего праздника, следовательно, у них не было и дуального деления? Тогда фратриальное деление могло возникнуть, как считал В. Штейниц, с приходом на север угров в результате слияния их с аборигенами: пришлые угры – Мось, аборигены – Пор. Однако, как нам представляется, все не так просто. Стоит обратить внимание на два параллельных сюжета медвежьего праздника, касающихся борьбы представителей двух фратрий: с одной стороны, это медведь и журавль, с другой – медведь и Мир-суснехум. Если второй, безусловно, относится к периоду смешения аборигенов и пришлого угорского населения, то относительно первого можно предположить более древнее и автохтонное происхождение.

Из всего сказанного выше можно сделать несколько выводов.

I. В медвежьих церемониях различаются три комплекса: первый связан с охотой на медведя, его свеживанием и доставкой туши в селение, второй – с поеданием медвежьего мяса, третий – с похоронами костей и хранением черепа медведя. Первый и последний комплексы почти идентичны у всех народов, от саамов на западе до нивхов на востоке. Они восходят к промысловой магии как ранней стадии промыслового культа, связанной с представлениями о том, что медведь подобен человеку и может возрождаться, т.е. с мифом об умирающем и воскресающем звере, нередко также с представлениями о духах-хозяевах промыслового культа (особенно у кетов, эвенков, юкагиров, якутов, бурят, нивхов, нанайцев, эскимосов). Второй комплекс различается у разных народов: у одних он целиком соответствует промысловому культу (это пантомимы и сцены подражания медведю, борьба с ним, извинения перед ним и умоливание его как возрождающегося зверя), у обских угров это комплекс обрядов фратриально-тотемического характера (медведь – предок фратрии, посредник между людьми и духами), у амуро-сахалинских народов – родового погребально-поминального характера (медведь – посланник, переносящий душу умершего родственника в загробный мир).

II. В медвежьих церемониях следует различать собственно культ медведя и медвежий праздник. Если культ медведя у различных народов в целом имеет много общего, то медвежий праздник, напротив, проявляется по-разному. Рассматривая медвежьи церемонии подобным образом, легко выделить в них три варианта медвежьего праздника: 1) палеосибирский (автохтонно-сибирский, общесибирский, возможно, универсальный для всех народов), 2) обско-угорский, 3) амуро-сахалинский.

III. Обряды медвежьего праздника и представления, связанные с ним, в конце XIX–XX в. приобрели у народов Евразии зоолатрический характер. Они развивались в более поздний период, чем формирование промыслового культа, и на различной почве: у угров – на почве тотемизма, представлений о Вселенной и населяющих ее духах, этногенетических и этнических процессов, у амуро-сахалинских народов – на почве родового погребально-поминального культа, особых отношений внутри союзов родов, культа близнецов, межэтнических связей, у других народов – суеверий на основе веры в оборотничество и возможность браков между женщиной и медведем, обычаев нимата, представлений о культурном герое, влияния христианства (представления о медведе как помощнике бога в создании людей) и т.п.

IV. Обско-угорский медвежий праздник испытал большое влияние этногенетических процессов: в нем нашла отражение двухкомпонентность культуры хантов и манси – слияние черт аборигенной таежной культуры (промыслово-магический характер праздника) и элементов южных кочевых скотоводческих культур (периодические фратриальные праздники в честь медведя-предка, народный театр и др.).

V. Южные черты в медвежьем празднике слабо или почти не проявляются у восточных хантов, что (вместе с другими данными) говорит об особом характере этногенетических и этнических процессов в их среде в прошлом.

Итак, культ медведя и медвежий праздник у народов Сибири – сложный синкретичный комплекс представлений и обрядов, свидетельствующий о длительности его развития как на общей охотничье-промысловой основе, так и под влиянием этногенетических процессов и этнических контактов на разных территориях и в различных этнических средах.

Примечания

¹ Текст доклада, прочитанного на заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН 21 декабря 2000 г. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-01-00186а).

² Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 101.

³ Альквист А. Среди хантов и манси (вогулов и остяков). Томск, 1999. С. 120.

⁴ Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // *Congressus secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Ps II. Helsinki, 1968. P. 108; Tschernjertzow V.N. Barenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica. V. 23 (2–4). P. 313; Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск, 1999. С. 9–10; Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 108.*

⁵ Васильев Б.А. Медвежий праздник // Сов. этнография (далее – СЭ). 1948. № 4. На с. 82 автор не совсем точен: танцы-пантомимы у угров исполнялись не перед охотой, а после нее.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же. С. 80, 82.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Смоляк А.В. Некоторые вопросы происхождения народов нижнего Амура (о так называемом аинском компоненте в медвежьем празднике амурского типа) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. См.: *её же*. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976; Цициус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971 (Сб. МАЭ. Т. XXVII).

¹¹ Крейнович Е.А. Медвежий праздник у кетов // Кетский сб. М., 1969. С. 92; *её же*. О культе медведя у нивхов // Страны и народы Востока. Вып. 24. М., 1982.

¹² Крейнович Е.А. Медвежий праздник... С. 93, 95, 98, 100; *её же*. О культе... С. 248–252, 262, 266–267.

¹³ Крейнович Е.А. О культе... С. 277.

¹⁴ Там же. С. 252–253.

¹⁵ Крейнович Е.А. Медвежий праздник... С. 99; *её же*. О культе... С. 264.

¹⁶ Таксами Ч.М. Указ. раб. С. 106, 108.

¹⁷ Там же. С. 108, 110.

¹⁸ Алексеев Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4; *её же*. Культы кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. (Сб. МАЭ. Т. XXXIII). С. 41–42; Крейнович Е.А. Медвежий праздник...

¹⁹ Алексеев Е.А. Культ медведя... С. 92–93.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ Там же. С. 102.

²² Анисимов А.Ф. Культ медведя у эвенков в проблеме эволюции тотемистических верований // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1960; Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969. С. 216–218; *её же*. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века.

²³ Авдеев А.Д. Происхождение театра. Л.; М., 1959.

²⁴ Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Изв. имп. Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. 48. Вып. 2. Тр. этнограф. отд. Кн. 8. М., 1888; Харузин Н.Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов // Этнограф. обозрение. СПб., 1898. № 3–4; Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. М., 1934; Новицкий В. К культу медведя у вогулов р. Сосьва // Наш край. Тобольск, 1925. Июль; Чернецов В.Н. Указ. раб. (см. также: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 185–186, 216–252); Кулемзин В.М. Медвежий праздник у ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972; *её же*. Шаманство васюганско-ваховских хантов. Конец XIX – начало XX в. // Из истории шаманства. Томск, 1976;

его же. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 82–86; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. С. 168–171; Лукина Н.В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990; Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995; Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985; его же. Митра и медведь – ошибка идеологий или взаимопроникновение традиций? // Уральская мифология: Тез. докл. междунар. симпозиум. Сыктывкар, 1992; Федорова Е.Г. Обрядовая одежда манси (К этнической истории) // Российский этнограф. Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. № 12. М., 1993. С. 217–218; Молданова Т. Юльские медвежьи игрища // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995; Молданов Т. Указ. раб.

²⁵ Альквист А. Указ. раб.: Каннисто А. О драматическом искусстве вогулов // Статьи по искусству обских угров. Томск, 1999; Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Vogulen // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. T. 113. Helsinki, 1958; Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Т. 3. Томск, 1996; Munkacsi B. Vogul nepkoltesi gyujtemeny. K. 3. R. 1. Medveenek. Bp., 1894; Páraj J. Eszaki-osztjak medveenek. Bp., 1934; Kalmán B. Zwei Reinigungsritten im Barenkult der Obugrier // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Volker. Bp., 1963; Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

²⁶ Соколова З.П. На медвежьем празднике у ляпинских манси // Полевые исследования. Нов. сер. Т. 1. Вып. 1. М., 1993.

²⁷ Гондатти Н.Л. Указ. раб. С. 65; Харузин Н.Н. Указ. раб.: Шавров В.Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в импер. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1871. С. 9; Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1839. С. 100–101.

²⁸ Каннисто А. Указ. раб. С. 4, 20, 22, 24.

²⁹ Карьялайнен К.Ф. Указ. раб. С. 171, 174.

³⁰ Васильев Б.А. Указ. раб. С. 104.

³¹ Чернецов В.Н. Периодические обряды...; Tschernjetzow V.N. Barenfest... См. также: его же. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2.

³² Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Памяти Д.Н. Анучина (ТИЭ. Нов. сер. Т. 1). М., 1947. С. 116.

³³ Кулемзин В.М. Человек и природа... С. 85–86.

³⁴ Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

³⁵ Хелимский Е.А. Мир-сусне-хум // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 154; Новикова Н.И. Указ. раб. С. 58–67; его же. Об иранском влиянии в культуре обских угров // СЭ. 1991. № 4; Гемуев И.Н. Митра и медведь...

³⁶ Шмидт Е. Указ. раб. С. 4, 8–9.

³⁷ Там же. С. 6, 12–14.

³⁸ Там же. С. 14.

³⁹ Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. С. 119–133.

⁴⁰ Гемуев И.Н. Некоторые аспекты... С. 138.

⁴¹ Лукина Н.В. Указ. раб. С. 184, 186; Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. С. 75–77, 177. Рис. 80–81.

⁴² Лукина Н.В. Указ. раб. С. 179–189.

⁴³ Молданов Т. Указ. раб.

⁴⁴ Соколова З.П. Указ. раб.; см.: его же. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 63–85. (2-е изд. Животные в религиях. СПб., 1998. С. 82–111); его же. Страна Югория. М., 1976. С. 68–70; его же. Животные в духовном мире народов Северной Сибири (теоретические аспекты изучения зоолатрии) // Российский этнограф. № 12. С. 208–212; его же. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2. Новосибирск, 2000.

⁴⁵ См. работы Б.А. Васильева, Г.М. Василевич, К.Ф. Карьялайнена, Е.А. Крейновича, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Н.И. Новиковой, В. Повицкого, З.П. Соколовой, Ч.М. Таксами.

⁴⁶ Василевич Г.М. О культе... С. 165; Васильев Б.А. Указ. раб. С. 80; Кулемзин В.М. Медвежий праздник и шаманизм в хантыйском мировоззрении // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. См. также: Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 289.

⁴⁷ Васильев Б.А. Указ. раб. С. 103.

⁴⁸ См. работы В.Н. Чернецова, Н.И. Новиковой, Н.В. Лукиной, И.Н. Гемуева.

⁴⁹ Гемуев И.Н. Митра и медведь...

⁵⁰ См. перечисленные выше работы, а также: Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Л., 1929 (Сб. МАЭ. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах. Т. VIII); Штерн-

жрг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936; *Пелих Г.И.* К вопросу о нганасанском культе медведицы и гарка // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» Барнаул, 1995.

⁵¹ Это либо описательные названия («зверь», «большой зверь», «добрый зверь», «священный зверь»; «старик», «старик с когтями», «старик, одетый в шубу», «лесной старик»; «горный человек», «лесная или горная женщина»; «медовая лапа»; «лесной хозяин», «князь зверей», «царь леса», «владыка чащи», «дорогое божественное существо» и др.), либо родственные термины («дед», «бабушка», «отец», «дядя», «братишка», «младший брат» и др.).

⁵² *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. В4–12. М., 1964. С. 22; *Крейнович Е.А.* О культе... С. 259.

⁵³ *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. С.226; *ее же.* На медвежьем празднике... С. 133; *Новикова Н.И.* Традиционные праздники... С. 87–88; Б.А. Васильев упоминает о мифе орочей, в котором женщина является учредительницей медвежьих церемоний (*Васильев Б.А.* Указ. раб. С. 90).

⁵⁴ *Sokolowa S.* Das Land Jugorien. Moskau; Leipzig, 1982. S. 64-65 (вклейка); *Василевич Г.М.* Указ. раб. Рис. 1–4; *Цинциус В.И.* Указ. раб. Рис. 11.

⁵⁵ *Богораз-Тан В.Г.* Миф об умирающем и воскресающем звере // Художественный фольклор. 1926. № 1.

⁵⁶ *Соколова З.П.* Культ животных... С. 59.

⁵⁷ См. указанные выше работы Н.Н. Харузина, А.М. Золотарева, В.Н. Чернецова, Е.А. Алексеенко, А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич, В.И. Цинциус.

⁵⁸ *Смоляк А.В.* Представления нанайцев... С. 150–151; *Токарев С.А.* Ранние формы религии. С. 244 и др.; *Гемуев И.Н.* Некоторые аспекты... С. 138.

⁵⁹ «Дом для богов», «праздничный дом» (*Карьялайнен К.Ф.* Указ. раб. С. 150–151, 155), «дом для пляски» *Соколова З.П.* Пережитки... С. 225), «танцевальная изба» (*Ahlquist A.* Wogulische Worterverzeichnis. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. № 11. Т. 111. Helsingfors, 1891. P. 176).

⁶⁰ *Карьялайнен К.Ф.* Указ. раб. С. 157–158; *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство... С. 32–34, 36–37; *его же.* Наскальные изображения Урала // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. В4–12(2). М., 1971. С. 87–90, 92–93; *Молданов Т.* Указ. раб.

⁶¹ *Лукина Н.В.* Указ. раб. С. 180.

⁶² В разных источниках эта поза трактуется по-разному: голова лежит на лапах (*Карьялайнен К.Ф.* Указ. раб. С. 152; *Новицкий В.* Указ. раб. С. 17–18; *Кулемзин В.М.* Медвежий праздник... С. 93; *Соколова З.П.* Культ животных... С. 77; *ее же.* Пережитки... С. 214; *ее же.* На просторах Сибири. М., 1982. С. 71; *Лукина Н.В.* Указ. раб. С. 170; *Гемуев И.Н.* Некоторые аспекты... С. 141; *Новикова Н.И.* Традиционные праздники... С. 38, 75, 89; *Троицкая Т.Н., Дураков И.А.* Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука...» С. 98), голова находится между вытянутыми передними лапами (*Гондатти Н.Л.* Указ. раб. С. 63; *Каннисто А.* Указ. раб. С. 5; *Карьялайнен К.Ф.* Указ. раб. С. 152; *Шатилов М.Б.* Ваховские ханты // Тр. Томского краевого музея. Т. IV. Томск, 1928. С. 111; *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 83; *Соколова З.П.* Страна Югория. С. 61; *ее же.* Путешествие в Югру. М., 1982. С. 72; *Sokolowa S.* Op. cit. S. 120–121. Рис. на с. 121; *Новикова Н.И.* Традиционные праздники... С. 91; *Ширин Ю.В.* Культ медведя Западной Сибири (К проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 217; *Молданов Т.* Указ. раб. С. 12), что, вероятно, правильной. Поза медведя головой, лежащей между лапами, хорошо видна на бляшках IV–III вв. до н.э., найденных в Прикамье Западной Сибири (*Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Приобья. Матер. и исслед. по археологии СССР. Вып. 35. М., 1953. С. 128. Табл. 111–1, 2, 6, 8; *Гемуев И.Н.* Некоторые аспекты... Рис. 11; *Троицкая Т.Н., Дураков И.А.* Указ. раб. Рис. 1–3).

⁶³ *Соколова З.П.* Пережитки... С. 226.

⁶⁴ *Молданова Т.А.* Стилизованные изображения в орнаменте хантов и манси // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992; *Сязи А.М.* Семантика в орнаменте хантов Ямало-Ненецкого округа // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995; *ее же.* Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2000.

⁶⁵ *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство... С. 29; Мифы, предания, сказки хантов и манси // М., 1990. С. 87, 89–90, 328–330 (Сер. «Сказки и мифы народов Востока»); *Алексеев Е.А.* Культ медведя... С. 99; *Василевич Г.М.* Эвенки. С. 217; *ее же.* О культе... С. 157, 169; *Грибова Л.С.* Указ. раб. С. 84; *Крейнович Е.А.* О культе... С. 277; *Серов С.Я.* Медведь-супруг (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки) // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 171.

⁶⁶ *Василевич Г.М.* О культе... С. 160–161, 168; *Крейнович Е.А.* О культе... С. 247, 252, 262–265, 277.

⁶⁷ *Карьялайнен К.Ф.* Указ. раб. С. 151; *Лукина Н.В.* Указ. раб. С. 185; *Крейнович Е.А.* Медвежий праздник... С. 107.

⁶⁸ *Еремин Г.И.* Домусульманские верования «заболотных» татар Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 438; *Белич И.В.* К культу медведя у сибирских татар // Обские угры. Матер. 11-го Сибирск. симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: Омск, 1999. С. 88.

⁶⁹ *Васильев Б.А.* Указ. раб. С. 97; *Соколова З.П.* Культ животных... С. 83; *Рыбаков Б.А.* Указ. раб. С. 102–104; *Серов С.Я.* Указ. раб. С. 175–181.

⁷⁰ *Новикова Н.И.* Указ. раб. С. 89.

⁷¹ *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 251; *Соколова З.П.* Культ животных... С. 84; *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев... С. 73–75; *Рыбаков Б.А.* Указ. раб. С. 106; *Серов С.Я.* Указ. раб. С. 181–183.

⁷² *Соколова З.П.* Культ животных... С. 98–105.

⁷³ *Соколова З.П.* Животные в духовном мире...

⁷⁴ Сроки проведения периодического праздника: 4 ночи (он проходит ночами), начиная с полнолуния в конце декабря, затем – перерыв 5–7 ночей, в январе-феврале – 1–2 ночи от случая к случаю, 7 ночей за 7 дней до месяца Большого наста («около начала марта»), потом – перерыв, затем «перед полнолунием Месяца Большого Наста (т.е. около весеннего равноденствия)» (*Чернецов В.Н.* Периодические обряды... С. 108).

⁷⁵ Маски – берестяные или деревянные с прорезанными отверстиями для глаз, носа и рта (*сас вельт* – «берестяное лицо», *сохоль веш* – «деревянное лицо»). *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. С. 35–36 (ср. с алтайскими и шорскими масками: *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев... С. 19–21; *Сатлаев Ф.А.* Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Рис. 2, 4); *Соколова З.П.* Пережитки... Вклейка к с. 216–217; *Sokolowa S.* Op. cit. Вклейка между с. 128–129. Любопытно замечание Б.А. Васильева о древнекитайских медвежьих танцах в масках (*Васильев Б.А.* Указ. раб. С. 88).

⁷⁶ Они играют роль лука, ружья, сабли или шпаги, лыжного посоха, весла, копья, топора, крюка для котла, мешалки и т.п.

⁷⁷ *Харузин Н.Н.* Указ. раб. С. 36–38; *Гондатти Н.Л.* Указ. раб. С. 71, 73–74; *Шатилов М.Б.* Указ. раб. С. 110; *Лукина Н.В.* Указ. раб. С. 180–181; *Новикова Н.И.* Указ. раб. С. 35–36, 51, 85; *Кулемзин В.М.* Медвежий праздник и шаманизм...

⁷⁸ *Ширин Ю.В.* Указ. раб. С. 217.

⁷⁹ *Вереш П.* Проблемы определения финно-угорской прародины в свете новых данных // Сибир. этнограф. сб. Вып. 10. М., 2000.

⁸⁰ Сравни: *Васильев Б.А.* Указ. раб. С. 93, 103; *Смоляк А.В.* Некоторые вопросы... С. 338.

⁸¹ *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 242–243.

⁸² В.М. Кулемзин в работе «Медвежий праздник и шаманизм...» пишет: «...культ медведя некогда был основой мировоззренческой системы...» (с. 204).

⁸³ *Могильников В.М.* Культурно-хронологические комплексы городища Старый Погост и некоторые аспекты формирования этнографических групп обских угров // Сибир. этнограф. сб. Вып. 10; *Соколова З.П.* Обско-угорский феномен // III Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докладов. М., 1999. С. 34; *ее же.* Использование металла в культовой практике обских угров // Этнограф. обозрение. 2000. № 6. С. 41.

⁸⁴ *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство...; *Steinitz W.* Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien Ethnos. 1938. № 4, 5.

Z.P. Sokolova. The Bear cult and the Bear festivity in the worldview and culture of Siberian peoples

In her analysis of the cult of bear among the Ob Ugrians and peoples of Siberia as a whole the author distinguishes the cult of bear proper and the bear feast as its component thus making it possible to recognize three types of the bear feast among the Siberian peoples: 1) the general Siberian or paleo-Siberian type as based on the notions and rituals of the bear hunting cult, 2) the Ob Ugrian fraternal type – the forerunner of folk theatre, and 3) the Amur-Sakhalin clan type as linked with the cult of ancestors. The author distinguishes also specific traits of the bear cult and bear feasts of the northern Khanti and Mansi, on the one hand, and those of the eastern Khanti – on the other in pointing to their fraternal character among the former and the paleo-Siberian among the latter. These differences could be connected with the ethnogenetic processes among the Khanti and Mansi peoples, i.e. among the ancestors of their various groups who had been differently affected by the influence of the Ugrian tribes arriving from the south.